

Министром земледелия и государственных имуществ, по словам "Спб. Вед.", утвержден устав сельскохозяйственного товарищества черноморского побережья Кавказа. Устав этот составлен на основании нормального устава сельскохозяйственных товариществ, съ ними которыми лишь отступления.

Торговля и промышленность.

Хороший почтинг Бакецикъ завоевалъ брянскому обществу приступившему къ выдаѣмъ менѣе сложныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ; къ предстоящему сезону заводъ заготовляется крупная партия железнѣйшихъ плуговъ, упрощенной конструкціи, приспособленной къ условиямъ крестьянскаго хозяйства.

Сахаръ Ильи Энзели сообщаютъ, что изъ октябрь поступили на рынокъ въ бочкахъ малыя головы 26 тыс. пуд., малыя головы въ ящикахъ 12 тыс. пуд., песка сахарного цѣны, за пудъ большъ головы 24 кр. 5 шайки (4 руб. 3/4 к.) малыя головы 22 кр. (3 руб. 60 коп.), сахарный песокъ 17 кр. 3 ш. (2 руб. 78 коп.). Настроение съ сахаромъ твердое.

Хлопокъ Тор-Пр. Газ. сообщаетъ, что възвѣши хлопокъ въ Союзъ Коллективъ въ октябрь с. г. выразился цифрою 2,186,190 ц. (тогда какъ въ 1903 г. онъ равнялся 1,152,188 ц., а въ 1902 г. — 1,395,624 ц.) на 6,491,610 ф. ст. вывезено за тотъ же срокъ 102,737 ц. (1903 г. — 166,530 п.; 1902 г. — 162,049 п.) на 299,452 ф. ст. Въ Россію поступило 33,502 ц. (вмѣстѣ 79,260 ц., доставленныхъ скотъ въ 1903 г. и 63,349 п.—въ 1902 г.) на 102,515 ф. ст. Сравнивая данную относительно вывоза хлопка изъ Англіи въ Россію, мы видимъ довольно значительное сокращеніе по сравненію съ прошлымъ годомъ, несмотря на то, что цѣны въ прошломъ году стояли гораздо выше, чѣмъ нынѣ. Сокращеніе это ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть объяснимо уменьшеніемъ количества американского хлопка (поступившаго въ Россію преимущественно черезъ английскіе порты), передаваемаго по русскимъ хлопчатобумажнымъ фабрикамъ, и объясняется доставкой хлопка въ порты Балтийскаго моря непосредственно изъ Америки, а также увеличеніемъ значенія, которое въ этомъ отношеніи приобрѣтаютъ германскіе порты съ Бременомъ во главѣ.

Театръ и Музыка.

Сегодня состоится бенефисъ опытной и талантливой артистки труппы г. Кручинина г-жи Пальчиковой. Представлена будетъ драма "Грѣшница".

"Воскресеніе" въ передѣлкахъ г. г. Г. Арбеніна отцѣло, не успѣши раскрыть. Не только послѣдующіе представлени, но и первое не слѣдало никакого сбора. Преска, возмущена концѣнтуромъ надъ безсмертными твореніями гр. Толстого. Актроприза потерпѣла полное фiasco, и по дѣламъ! Москвитинъ не обманулъ.

"Вишневый садъ" при повтореніи прошелъ значительно лучше. Особенное приятіе впечатлѣніе оставилъ: г-жи Горская и Гондати и г. Г. Соловьевъ, Наумовский, Костковъ и Линдинъ.

Въ "Измайлѣ" хотя до нѣлья были слабыѣ нѣкоторыѣ изъ "ихъ превосходительствъ" господъ генераловъ, но рекордъ въ этомъ отношеніи побила исполнительница отвѣтственнаго роли Дивитъ г-жа Зарайская. Почему роль не была отдана г-же Горской? Если у послѣдней хуже "утѣшила", за то по болѣе того, что непосредственно связано съ искусствомъ.

"Русь" отмѣчается скандаломъ въ Петербургскомъ симфоническомъ собраниѣ въ вечеръ чествованія памяти А. Г. Рубинштейна при участіи Шалипина.

Психопаты и психопатки, не до- вольствуясь тѣмъ, что Шалипинъ исполнилъ многое вещи сверхъ программы, продолжали неистово требовать повторенія, никакъ не щадя уставшаго подъ конецъ артиста. Когда, наконецъ, на эстрадѣ появился г. Ахангельскъ со своимъ хоромъ, то онъ никакъ не могъ начать, потому что шумъ и крики, "изъ Фауста" и проч. все продолжались, несмотря на энергичные протесты болѣе воспитанной части публики. Это длилось болѣе двухъ часовъ. Пришлося Шалипину снять выйти, чтобы успокоить какъ нибудь расходившихся кое-какъ тишины, онъ хотѣлъ что-то сказать публикѣ.

— Я глубок... Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна! Ты намъ любъ и поэтому долженъ пѣть до послѣднаго издыханія! Нашему издуму не претѣстъ, а разговоръ твоихъ никому не надо! За свои деньги мы можемъ всѣго требовать!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!

— Я глубок...

Но не успѣлъ онъ договорить и одного слова, какъ раздался крикъ: "не надо, пойте!" — и снова остервенѣлые ревы и даже систѣ въ дѣланца. Итакъ, "ранеѣ есъ"! Намъ нѣтъ дѣла, что ты усталъ, что язъ честно пытаетъ память какого-то Рубинштейна!

Ты намъ любъ и поэтому

долженъ пѣть до послѣднаго

издыханія!